НОВЕЙШИЕ ТЕНДЕНЦИИ ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ

МАТЕРИАЛЬНАЯ ЛОГИКА В ФИЛОСОФИИ СПИНОЗЫ

Вим Клевер
(Нидерланды)

Ни один философ не может избежать логических проблем. В определенный момент его творческого развития обращение его философии на самое себя заставляет мыслителя рефлектировать по поводу логических аспектов собственного мышления: физика и этика в его философии прокладывают путь к логике или, по крайней мере, к философии логики. Общеизвестный образец философии логики (которая не может быть, в сущности, квалифицирована как логика в современном, формальном смысле этого слова) — это, конечно, «Наука логики» Гегеля.

Хотя термин «логика» исключительно редко встречается в сочинениях Спинозы — по моим подсчетам, не более четырех раз, — мы не можем упрекнуть его в недостатке внимания к логическим аспектам науки и философии. Более того, его позиция — с точки зрения содержания и направленности — представляется в высшей степени новаторской в той мере, в какой он отвергает как классические схемы, так и современный сепаратизм (логики. — *Пер.*), и тяготеет к чистому натурализму. В данной статье я попытаюсь исследовать некоторые ключевые положения ранних произведений Спинозы (не содержащих, как известно, политической проблематики) и сделать выводы относительно его философии логики.

Традиционно логика рассматривается как первая или даже пропедевтическая часть философии. Аристотель, например, пишет в «Метафизике» (α 995 a 12—14): «Поэтому надо приучиться к тому, как воспринимать каждый предмет, ибо нелепо в одно и то же время искать и знание, и способ его усвоения» [1] Таким образом, неудачи тех, кто, не имея логической подготовки, попытался понять аристотелевские лекции по физике и метафизике, «объясняются их незнанием аналитики (di'apaideusian toon analutikoon)» [2] («Метафизика», 1005 b 2). Аналогична позиция Декарта, который написал произведения наставительно-пропедевтического характера: «Рассуждение о методе» («для руководства разума и отыскания истины в науках», как сказано в подзаголовке) и «Правила для руководства ума».

Подобным же образом начал свою философскую карьеру

Спиноза, написав произведение, которое является более или менее «логическим» и имеет вводный по отношению к философии характер. Этот труд называется «Трактат об усовершенствовании разума».

В предисловии к пятой части «Этики» Спиноза, сообразуясь с тем, что он писал в вышеупомянутом трактате, заявляет: вопрос о том, «каким образом и каким путем должен быть разум (Intellectus) совершенствуем. составляет предмет логики» [3] Итак, Спиноза явным образом рассматривает «Трактат об усовершенствовании разума» как логику. В этом неоконченном трактате (впервые он был опубликован в «Посмертных сочинениях» («Opera Posthuma») в 1677 г.) Спиноза попытался найти метод, который освободил бы разум от ложных, сомнительных и фиктивных идей [4] и, будучи правильно примененным, приводил бы к открытию истины о природе. Однако указанная выше принадлежность Спинозы к аристотелевско-картезианской традиции имеет лишь внешний, поверхностный характер. Ибо он безоговорочно отвергает возможность существования особой априорной логики (или методологии), указывая, что мы не избавились бы от своего рода дурной бесконечности исследования («inquisitio in infinitum») в случае необходимости оправдывать нашу познавательную деятельность проверкой с помощью методологических критериев. Ведь поскольку истинностное значение (truth-value) этих критериев, в свою очередь, нуждалось бы в проверке, никогда нельзя было бы завершить процесс обоснования. Отношение Спинозы к такому подходу выражается категорическим «нет». «. *.Разум природной своей силой* [5] *создает себе умственные орудия* (instrumenta intellectualia) (курсив мой. — *В. К.*), от которых обретает другие силы для других умственных работ [6], а от этих работ — другие орудия, т. е. возможность дальнейшего исследования, и так постепенно подвигается. .» [7] Человеческая душа [8], в особенности если она более или менее научно образована, имеет некоторые идеи относительно устройства природы и необходимых связей между вещами в природе. В этой деятельности по пониманию устройства природы главным элементом является, согласно Спинозе, уверенность. Он даже отождествляет «обладание идеей» и «пребывание в уверенности относительно чего-либо»: «. .отсюда. ясно, что для достоверности истинности нет надобности ни в каком другом признаке, кроме того, чтобы иметь истинную идею. .» [9]. «. .Истина сама себя проявляет. . (veritas se ipsam patefacit)» [10]. Идеи сопровождаются идеями («idea ideae» — идея идеи) [11] Благодаря последним мы знаем, что мы знаем нечто, знаем то, насколько прочно наше знание и является ли оно вообще знанием. Идеи — это либо объекты исследования (things), либо орудия исследования (instruments), с помощью которых мы достигаем полной уверенности в чем-либо.

Таким образом, заключает Спиноза, мы не можем сказать, что метод (очищения разума) состоит в поиске критерия истины лишь п о с л е формирования идей. Метод правильного рассуждения (sound reasoning) (не является ли он эквивалентом логики?)

содержится в интуициях (insights) и идеях, которыми мы фактически обладаем, и зиждется на них. Знание (иначе говоря, наука о природе — natural science), которым мы располагаем в данный момент, функционирует в качестве *нормы*, логической нормы для знания, которое находится в процессе формирования. «Отсюда вытекает, что метод есть не что иное, как рефлексивное познание (cognitio reflexiva) или идея идеи. (cognitionem reflexivam aut ideam ideae. .)» [12] Невозможно описать законы правильного рассуждения отдельно от законов природы, описать их отлично от физических законов. Наше знание о природе (physical knowledge) есть в то же время (в качестве рефлексивного знания) логическое знание, т. е. знание о механизмах нашей познавательной деятельности. Все, что мы познаем, помогает нам лучше понять логическую способность нашей души (our «logical» mind). «. .Всякий акт последнего (умственного процесса. — *Пер.*) ведет нас к более совершенному познанию самого умственного процесса» [13] Это логическое, или рефлексивное, знание дает нам как бы руководство для правильного рассуждения (correct thinking) и учит нас, как его последовательно осуществлять: «. .с целью познать способность (potentia) нашего понимания и так обуздывать дух (mens), чтобы он *сообразно с указаниями нормы* (курсив мой. — *В. К.*) понимал все, что подлежит пониманию, передавая ему как вспоможение известные правила и также содействуя тому, чтобы дух не изнурялся без пользы» [14] Увеличение знания (о природе) непосредственно ведет к увеличению знаний о нашем мыслительном инструментарии и автоматически расширяет свод логических правил. «Затем, *чем больше* (курсив мой. — *В. К.*) познал дух, тем лучше он понимает и свои силы и порядок природы, тем легче он может сам себя направлять и устанавливать для себя правила; и чем лучше он понимает порядок природы, тем легче может удерживать себя от тщетного. .» [15] Понятия, описывающие наши интеллектуальные способности, правила нашей познавательной деятельности — вот чем занимается логика и что Спиноза относит к сфере собственно науки.

Нет сомнений, что подобное воззрение совершенно противоположно точке зрения Аристотеля, а также современным теориям об объективной, или автономной, логической сфере, о независимой философской дисциплине, называемой «логика».

Трактат об усовершенствовании разума Спиноза вынужден был оставить незаконченным, так как в ходе работы над ним он все больше и больше убеждался в том, что его исследовательское начинание излишне и даже бессмысленно и что единственный способ усовершенствовать разум — это «исследовать природу» как таковую. И тогда Спиноза принялся строить свою философию заново. Теперь он в систематически-научном виде (с помощью геометрического метода) развивает свою идею «Бог, или Природа». Первоначальный набросок этой философии (позднее названной «Этика», которая, по собственному признанию Спинозы, была построена на основе «физики») излагается в «Кратком трактате

о боге, человеке и его счастье». Он был написан для друзей и учеников на латыни, но дошел до нас лишь в голландском переводе XVII в. По современным представлениям, это сочинение было написано около 1661 г., т. е. после «Трактата об усовершенствовании разума», но до «Основ философии Декарта» (опубликованных с «Приложением, содержащим метафизические мысли») (1663 г.). «Краткий трактат» возвестил о появлении juvenile genius (лат. — юного гения).

Это произведение начинается с исчерпывающего исследования нашей априорной идеи Бога [16], другими словами, нашего изначального суждения о Мире (affirmation of the Universe). Общеизвестно, что Спиноза последовательно защищает детерминизм и столь же последовательно расширяет область его применения. Все сущее представляет собой «модус» (modus), или «состояние» (affectio), бесконечной субстанции и предопределяется в своей сущности и существовании бесконечным числом причин, действующих по универсальным законам природы. Человек не является исключением; он не субстанциальное существо, обладающее свободной волей, но во всех отношениях только часть природы. Добро и зло — не что иное, как «entia rationis» (мысленные, рассудочные сущности), продукты нашего воображения [17] Реальное и совершенное суть одно и то же [18]

В седьмой главе первой части трактата, где Спиноза намеревается исследовать атрибуты, которые лишь в определенном отношении принадлежат Богу (или природе) [вроде «милосердия», «мудрости»], он чувствует себя обязанным сказать о «*законах правильного (истинного) определения*» (курсив мой. — *В. К.*) [19] Он не соглашается с обычным для «философов» суждением, «что нельзя дать истинного или правильного определения бога, так как, по их мнению, определение может состоять только из рода и видового отличия; а так как бог не является видом какого-либо рода, то он не может быть правильно или верно определен» [20] Далее Спиноза критикует тезис тех же «философов», что Бог может быть познан и представлен (asserted) только отрицательным образом (знаменитое средневековое «via negativa et eminentiae», негативно-эминентный метод) и что априорное доказательство (demonstration) его существования невозможно. Итак, продолжает Спиноза, «мы должны раскрыть их мнимые основания, которыми они стараются украсить свое неведение в познании бога. Во-первых, они говорят, что правильное определение должно состоять из рода и видового отличия. *Хотя логики и признают это, однако я не знаю, откуда* (курсив мой. — *В. К.*) они это взяли. Конечно, если бы это была правда, то ничего нельзя было бы знать.

.Мы вообще не могли бы познать в совершенстве высший род, который не имеет рода выше себя. Но если высший род, который есть причина познания всех других вещей, не познается, то другие вещи, объясняемые этим родом, тем не менее могут быть поняты или познаны. Но так как мы свободны и вовсе не считаем себя связанными с их утверждениями, то согласно истинной логике

мы составим другие законы определения, именно согласно нашему делению природы» (курсив мой. — *В. К.*) [21]

В этом отрывке мы сталкиваемся с прямым указанием Спинозы на «логиков» и их тезисы, в которых можно распознать классическое, аристотелевское учение о требованиях к определениям (они должны даваться «per genus et differentiam specificam», «через ближайший род и видовое отличие»). Спиноза заявляет, что иначе видит проблему. Основания для этого у Спинозы двоякие. 1) Если бы были правы «логики», то невозможно было бы иметь какое-либо знание, поскольку всякое знание должно быть в конечном счете основано на знании (или сведено к знанию) высшего рода, которое недостижимо с помощью того же метода. Но у нас есть (некоторое) знание о Мире.

Ergo. 2) Спиноза абсолютно убежден, что у нас имеется ясное определение Бога, что сущность и существование высшего и всеобъемлющего Существа (=Природы) познаются нами в совершенстве и, наконец, что эта идея Бога есть причина нашего знания всех других вещей. Для краткости я просто сошлюсь здесь на некоторые положения «Этики»: 2E47 «*Человеческая душа имеет адекватное познание вечной и бесконечной сущности бога»* [22]; 1E 15 «*Всё, что только существует, существует в боге, и без бога ничто не может ни существовать, ни быть представляемо»* [23]; 2E 42 «*Познание второго и третьего рода, но не первого, учит нас отличать истинное от ложного»* [24]

«Истинная логика», таким образом, должна быть результатом развития нашей идеи Бога. Продвигаясь в познании атрибутов Природы, в понимании характеристик (properties) ее феноменов (например, человека и его страстей) как характеристик протяженности и мышления, мы тем самым автоматически вырабатываем как в теоретическом, так и в практическом отношении (in our heads and in our hands) истинные законы определения (description). Атрибуты могут быть познаны и сами по себе: мы адекватно познаем бесконечное мышление и бесконечную материю как таковые. Процесс научного познания мира есть имманентное и, если угодно, *диалектическое развитие этого изначального мыслительного багажа.* Данный подход очень схож, если не идентичен, с гегелевским диалектическим методом. Спиноза, так же как Гегель, считает, что мы вырабатываем определения в соответствии с достигнутым нами уровнем интеллектуального саморазвития. Это предполагает, что законы «истинной логики» не одинаковы на различных стадиях развития науки, на различных этапах истории. Спиноза настаивает на *динамическом* характере человеческой логики. И действительно, современная процедура логического подтверждения состоит в оценке и сверке новых, спекулятивных или эмпирических, теорий с корпусом знаний, которые в данный момент рассматриваются научным сообществом как прочные и несомненные, как мерило и норма. Основополагающими и самыми важными являются здесь, конечно, математика и устоявшиеся разделы физики. Математика была для Спинозы (которого Ольден-

бург назвал «математическим гением») высшим «мерилом истины» [25] (veritatis normam).

Теперь обратимся к третьему раннему сочинению Спинозы, «Метафизическим мыслям». В «Основах философии Декарта» он излагал картезианскую физику, доказывая ее с помощью геометрического метода. А при подготовке «Основ» к изданию вместе с «Приложением, содержащим метафизические мысли» он попросил своего ученого друга Лодевейка Мейера написать в предисловии, что философия, излагаемая в этой книге, не совпадает с его собственной. Хотя это (т. е. утверждение, что в этой книге содержится лишь философия Декарта. — *Пер.*) не совсем верно относительно «Основ» (между строк и в примечаниях можно обнаружить радикальный физикализм самого Спинозы), это еще менее верно для приложения «Метафизические мысли». Данное приложение — та часть книги, которая была готова для печати до того, как друзья стали убеждать Спинозу ознакомить их с его штудиями по философии Декарта [26]

Первую часть «Метафизических мыслей» можно рассматривать как детальную критику ряда положений традиционной логики. Это утверждение не просто гипотеза или моя личная интерпретация; Спиноза сам заявлял об этом в пояснении к заголовку своего сочинения, изданного на голландском языке. Перевод был сделан другом Спинозы Питером Баллингом и вышел в свет в 1664 г. под названием «О началах философии». В этом пояснении говорится следующее: «Цель этой части сочинения — показать, что *обычная логика* («Reedenkonst») и философия служат только тому, чтобы тренировать память и развивать ее, тому, чтобы мы могли припоминать вещи, которые даны нам в разрозненных восприятиях, без порядка и связи, и до тех пор, пока мы испытываем их нашими чувствами; но это логика и философия не *имеют применения в сфере разума*» (practice of reason) [27] Это серьезное обвинение! И вправду, Спиноза в этом труде вновь стремится показать несостоятельность обычных претензий логиков представлять свою науку дисциплиной, с точностью формулирующей законы человеческого рассуждения и понимания. Как Спиноза обосновывает свой тезис, что лежит в основе его критики?

«Бытие (сущее, существо — Ens)» [28] определяется как «*все то, что при ясном и отчетливом восприятии необходимо существует или по крайней мере может существовать*» [29] Из этого определения следует, что химера (ens fictum — фиктивная, вымышленная сущность) и мысленное бытие (ens rationis) не принадлежат сфере бытия. «Химера» — это мифическое животное, которое по природе не может существовать. Фикция — это продукт нашей фантазии (воображения), который недостаточно основан на фактах, содержащихся в опыте и констатируемых разумом. «Мысленное же бытие (существо) есть только состояние мышления, которое служит для более легкого запоминания, объяснения и воображения познаваемых вещей» [30] Для процедуры первого рода (т. е. для более легкого и прочного запоминания вещей) устанавливаются совокуп-

ности вещей на основе номинальных или реальных сходств. «Подобным образом философы свели все естественные вещи к определенным классам, которые они называют *родами и видами* и пр. и к которым они прибегают, когда встречается что-либо новое» [31] Понятия, с помощью которых мы о б ъ я с н я е м одни явления, сравнивая их с другими (речь идет о процедуре второго рода. — *Пер.*), — это «время», «число» и «мера», а также другие физические категории. Примерами понятий, необходимых для процедуры третьего рода (более легкого воображения вещей), могут быть такие отрицательные понятия, как «слепота», «крайность» («противоположность»), «конец», «граница», «мрак» и т. д.

Подобно современным аналитическим философам, Спиноза изучает и классифицирует различные типы понятий. Главный его довод в пользу такого рода работы следующий: необходимо показать, что «философы, которые держатся только слов и форм речи» [32], совершают серьезную ошибку, рассматривая бóльшую часть мысленных сущностей как реальные (действительные) сущности. «. .Тáк как они судят о вещах по их именам, а не об именах по вещам» [33] Вне разума (души) эти «entia rationis» не существуют. В «Метафизических мыслях» (Ч. 1. Гл. 1/9) Спиноза сурово предостерегает нас от смешения реальных вещей и «вещей мысленных» [34]

Критика Спинозой идеологической объективации логических сущностей [35] достигает наибольшей остроты (до сих пор его замечания носили предварительный характер), когда он утверждает, что **«возможное и случайное не являются состояниями вещей»** [36]; они ни в каком смысле не являются реальными качествами. «. .Они представляют лишь недостатки нашего разума» [37] Вследствие пробелов в своем знании человек склонен к необоснованному приписыванию случайности реального существования. «Именно, если он обратит внимание на природу и ее зависимость от бога, то он не найдет ничего *случайного* в вещах, т. е. ничего, что на деле может существовать или не существовать, или, по обычному выражению, представляет *действительно случайное* (contingens reale)» [38] Критически-научное исследование природы не позволяет нам допустить, что некоторая ее часть в определенных отношениях не обусловлена другими частями, что ее отдельные части свободны в своей деятельности, что в ней можно провести различие между добром и злом, между более возвышенными и более низменными частями, и т. д.

Теперь, после всего, что сказано выше, путь к пониманию спинозовской критики традиционной формальной логики можно считать открытым. Утверждение, что *логика существует отдельно от физики*, вводит нас в заблуждение и склоняет к принятию фикций (т. е. продуктов воображения. — *Пер.*), гипотез, классификаций и даже понятий (которые все полезны лишь для нашей памяти) за реальные сущности. Единственный способ избежать этой устаревшей логики и происходящих от нее неблагоприятных следствий — это эксплицировать нашу идею природы как такую

идею, которая заставляет нас делать правильные различения и тем самым выявляет подлинный статус (dispels) фиктивных сущностей (нашего воображения) и мысленных сущностей, конституируемых в нашем первоначальном, предварительном, но недостаточном познании (understanding).

Четвертый текст первостепенной важности для философии логики Спинозы — его письмо Иоханнесу Боуместеру (датировано 10.06.1666 г. В переписке значится под № 37). Этот амстердамский друг Спинозы, доктор медицины (к тому же знаток языкознания), поставил в этом письме перед философом следующий вопрос: «Существует ли или возможен ли такой метод, с помощью которого мы могли бы беспрепятственно, безостановочно и без скуки продвигаться вперед в познавании (in cogitatione) возвышеннейших предметов? Или же наши души (mentes), так же как и наши тела, подвержены случайностям, и наши мысли (cogitationes) управляются более счастливым случаем, чем искусством?» [39] Боуместера не оставляла проблема: является ли «логика» реальной альтернативой философии, или же ее можно рассматривать как потенциальную философию?

Из того, как Боуместер сформулировал свой вопрос к Спинозе, мы можем заключить, что он был знаком со знаменитой, оказавшей большое влияние книгой, которая была опубликована двумя годами ранее. Эта книга имелась и в библиотеке Спинозы. Она была написана в 1662 г. Антуаном Арно и Пьером Николем и называлась «Логика, или Искусство мыслить (содержащая, помимо общих правил, несколько новых соображений, необходимых для образования суждений)». Это была так называемая логика Пор-Рояля. Кстати сказать, Спиноза высоко ценил также «Логику Кеккермана» (Ганновер, 1611) и «Логику Клауберга» (Амстердам, 1654), соответственно схоластического и картезианского толка трактаты.

Словом ars (искусство) Боуместер обозначил логическую технику; прибегнув же к противопоставлению искусства и случайности / случая, он не уловил существа проблемы. Он предположил, что для нас реализуется лишь одна из двух следующих возможностей: 1) учебник или справочник по логике, который мы можем использовать для открытия истины; 2) случайность, которая царит в наших теоретических построениях (in our conceptual life). Боуместер забывает об имманентной логике человеческого мышления, которая сама себя направляет, используя свои весьма точные интуиции (insights) в качестве правил для дальнейшего развития и предохраняя самое себя от случайностей. Спиноза отвечает поэтому Боуместеру, «что необходимо должен существовать такой метод, с помощью которого мы можем направлять и соединять наши ясные и отчетливые перцепции (восприятия), и что разум (интеллект) не подвержен случайностям так, как тело» [40] Метод для соединения наших восприятий с необходимостью существует. Аргумент прост: эффективность (действенность) наших ясных идей, они доставляют новое знание. «Это явствует уже из одного того, что одна ясная и отчетливая перцепция или

несколько таковых, вместе взятых, могут сами по себе (absolute) быть *причиной* (курсив мой. — *В. К.*) другой ясной и отчетливой перцепции» [41] Больше того, они являются единственной причиной развития нашего знания. Новые проблемы в естественных науках вырастают исключительно из достигнутого ими в данный момент состояния. Новые понятия в физике, к примеру, не приобретают как таковые концептуального статуса и не являются основанием их применимости (кроме как в сфере уже сформированного знания). Но в своей совокупности они, конечно, могут описывать то или иное явление. «Истинный метод, — заключает Спиноза, — .состоит. . в одном лишь познании чистого разума (интеллекта), его природы и его законов» [42] Действительно, мы уже говорили, рассматривая «Трактат об усовершенствовании разума», о рефлексивности знания, о том факте, что идея (чего-либо) есть также идея самой себя. Если мы познаем нечто, мы познаем также процесс познания; и благодаря этому мы познаем «природу» нашего разума и осознаем власть и направляющую силу идей, о которых идет речь.

Хотя Спиноза немногословен, то немногое, что он говорит, является ценным и исключительно значимым. Спиноза снова и снова акцентирует внимание на логической, или инструментальной, функции того знания, которым мы уже обладаем. Как он пишет в «Трактате об усовершенствовании разума», «для доказательства истины и хорошего рассуждения мы не нуждаемся ни в каких орудиях, кроме истины или хорошего рассуждения. .» [43] Никто не сможет найти обходной или короткий путь к истине, путь, который короче или удобнее, чем трудная дорога науки.

Видимо, Боуместер воспринял тот урок, который преподал ему Спиноза. В 1672 г. он опубликовал свой перевод философской повести «Жизнь Хаййя ибн Якзана», написанной в XII в. на арабском языке Ибн Туфейлем [44] Это книга, «в которой показано, как некоторые люди, живя одиноко, без всяких контактов с другими, не имея образования, способны познавать самих себя и Бога» [45] (текст титульного листа). В коротком введении Боуместер также заявляет, что эта нарисованная воображением история показывает способность человеческого разума *своими силами, с помощью размышления о своем знании (как врожденном, так и приобретенном)* и с помощью исследования природных причин явлений достичь целостного знания о природе. В этом введении Боуместер представляет переведенную им повесть как ключ к разгадке логической автономии человеческой души.

В заключение я хочу уделить внимание главному произведению Спинозы, «Этике». Это сочинение можно рассматривать как наиболее удачное изложение результатов его научного исследования природы и ее свойств (properties), в особенности человеческой души и человеческих страстей. Наше философское знание о модусах выводится из нашего знания о Субстанции. Первая фраза предисловия ко второй части весьма характерна в этом отноше-

нии: «Перехожу теперь к изложению того, что должно быть необходимым следствием сущности бога, существа вечного и бесконечного» [46] Используя гегелевскую терминологию, «Учение о логике» есть вывод из «Учения о бытии». Развитие нашего понятия бытия ведет к науке логики. Гегель был не столь оригинален, как он об этом заявлял!

Логика Спинозы, его теория «природы и происхождения души» в основном изложена во второй части «Этики». В мою задачу не входит излагать ее в этой статье; я хочу только использовать некоторые положения этой теории, чтобы завершить осмысление обсуждаемой здесь темы.

Первое мое замечание касается третьего и четвертого определений на первой странице второй части «Этики». «Под *идеей* я разумею понятие, образуемое душой в силу того, что она есть вещь мыслящая (res cogitans)». В этом определении подчеркивается *активность* души. Спиноза поясняет: «Я говорю *понятие* (conceptus), а не *восприятие* (perceptio), так как слово „восприятие" как будто указывает на пассивное отношение души к объекту. Напротив, слово „понятие", как кажется, выражает *действие* души» [47] В качестве такового, т. е. res cogitans, душа не получает идеи из внешнего мира (от «res extensa», протяженной вещи), а формирует их сама. Идея есть нечто, что душа создает сама, хотя и в соответствии с некоторым материальным процессом (Cf. 2E7). Истинностное значение, или теоретическая ценность (conceptual quality), идеи, таким образом, не зависит от внешних критериев, как это утверждалось в более ранних произведениях. «Под *адекватной идеей* (idea adaequata) я разумею такую идею, которая, будучи рассматриваема сама по себе без отношения к объекту (objectum), имеет все свойства или внутренние признаки истинной идеи». И снова пояснение: «Я говорю: *внутренние* признаки — для исключения признака внешнего, именно согласия идеи со своим объектом (ideatum)» [48]. В этих определениях Спиноза подчеркивает, что логика является содержанием и сущностью внутреннего саморазвития мышления.

Второе мое замечание касается спинозовской теории, которую можно назвать теорией «чем больше, тем лучше». Чем больше наше знание, тем лучше мы ориентируемся в мире. Истина представляет собой шкалу (gradual thing), и ее значения зависят от количества вступивших в комбинацию идей (items); уровень интеллекта не одинаков у разных людей, и он не один и тот же для одного человека в различные периоды его жизни. Некоторые же понятия (идеи) являются общими для всех. «*То, что обще всем вещам и что одинаково находится как в части, так и в целом, может быть представляемо только адекватно*» [49] Таким образом, каждый соотносит свое самопознание со своим понятием о Мире и тем самым обнаруживает себя причастным к истине. Далекий отголосок этой спинозистской установки можно услышать в гегелевском: «Истина есть целое».

Последнее, на чем я остановлюсь, это понятие снятия (Aufhebung) в логике Спинозы, сильно отличающееся от понятия Aufhe-

bung в гегелевском учении. Комбинирование идей, которое приводит к идеям более высокого порядка, не уничтожает неадекватные идеи нашего воображения. 4E1 гласит: «*Ничто из того, что заключает в себе ложная идея положительного, не уничтожается наличностью истинного, поскольку оно истинно*» [50] Продукты нашего воображения (каждый из которых имеет определенные природные причины), например, представления (fiction) о свободной воле, о Боге как об отце или короле, о душе, направляющей тело, не исчезают после того, как мы достигли научного понимания причинных отношений. Палка, опущенная в воду, продолжает казаться нам надломленной и после того, как мы объяснили это явление с точки зрения физики как результат преломления света.

В спинозовской материальной логике есть еще много интересных моментов, которые заслуживают рассмотрения. Мне приходится опустить их, с тем чтобы статья имела приемлемый объем. Тем не менее я надеюсь, что сумел показать: у Спинозы действительно была философия логики, и притом достаточно развитая. Далее, я попытался провести мысль, что логика Спинозы в некоторых элементах родственна гегелевской диалектической логике. Наконец, я постарался ответить на вопрос, почему Спиноза не написал учебника по логике (в отличие от Аристотеля) или не создал специальной «науки логики» (в отличие от Гегеля). Причина кроется в натурализме Спинозы, в его глубоком убеждении, что логика заключена в науке о природе, и нигде более. Самое большее, что Спиноза как философ мог сделать (и сделал), — это дать несколько уместных замечаний по этому поводу. Но как участник научного движения, осуществляемого Гюйгенсом, Ньютоном, Бойлем и другими, он способствовал тому, чтобы логика развивалась естественным образом. Сущность такого подхода состоит в следующем: если хочешь иметь философскую логику, иными словами, если хочешь достичь некоторого знания о деятельности своей души и ее способностях, постарайся как можно дальше продвинуться в естественных науках. Именно они и дадут тебе то знание, к которому ты стремился. Я лишь повторю свое замечание: не существует обходного или короткого пути к логике, пролегающего в стороне от науки.

* * *

Автор статьи — профессор истории эпистемологии Роттердамского университета. Им опубликован ряд книг на голландском языке, среди которых три — о Спинозе, а также книга «Диалектическое мышление». В. Клевер является одним из основателей и главных редакторов издания «Studia Spinozana». Кроме того, он приглашался для чтения лекций в Италию (Пиза) и ВНР (Будапешт). Читателей, занимающихся философией Спинозы и желающих контактировать с другими спинозоведами, В. Клевер просит обращаться по адресу: Prof. Wim N. A. Clever, Erasmus University, Postbox 1738, Rotterdam, Netherlands.

Перевод с английского А. Б. Миначева, сверен А. А. Столяровым.

[1] *Аристотель.* Соч.: В 4 т. М., 1975. Т. 1. С. 98.
[2] Там же. С. 124. Имеются в виду положения, развиваемые во «Второй аналитике» II и II 19 (примечание составителей «Сочинений» Аристотеля на с. 464. — *Пер.*).
[3] *Спиноза Б.* Избр. произв.: В 2 т. М., 1957. Т. 1. С. 588.
[4] См.: Там же. Т. 1. С. 335 и далее, а также С. 627 (примеч. к С. 342).
[5] «Под природной силой (vis nativa) я разумею то, что не причиняется в нас внешними причинами и что позднее объясняется в моей Философии» (пояснение Спинозы. — *Пер.*). Здесь и в дальнейшем под «моей философией» Спиноза имеет в виду, очевидно, тот свой философский труд, который впоследствии принял форму «Этики» (примеч. составителей «Избранных произведений Спинозы» на с. 627. — *Пер.*).
[6] «Здесь они называются работами (opera); что это такое — будет объяснено в моей Философии» (пояснение Спинозы. — *Пер.*).
[7] *Спиноза Б.* Избр. произв. Т. 1. С. 329.
[8] Поскольку мы придерживаемся терминологии, принятой в «Избранных произведениях» Спинозы, где латинское «mens» переводится как «душа», для единообразия здесь и далее передаем английское «mind» (которым автор переводит латинское «mens») тем же русским словом.
[9] *Спиноза Б.* Избр. произв. Т. 1. С. 330.
[10] Там же. С. 333.
[11] Другими словами, идеи первого порядка сопровождаются идеями второго порядка.
[12] *Спиноза Б.* Избр. произв. Т. 1. С. 331.
[13] Там же. С. 389.
[14] Там же. С. 331.
[15] Там же. С. 332.
[16] Расхождения в написании слова «Бог» связаны с тем, что в «Избранных произведениях» Б. Спинозы это слово пишется с маленькой буквы, а автор статьи пишет его с большой.
[17] Об «entia rationis» см.: Там же. С. 267—270, а также примеч. к с. 267. О взаимоотношениях между «продуктами нашего воображения» и «entia rationis», а также между «ens fictum» и «idea ficta» см.: Там же. С. 399—401.
[18] См. определение 6 во второй части «Этики» (Там же. С. 403).
[19] Там же. С. 104.
[20] Там же.
[21] Там же. С. 105—106.
[22] Там же. С. 444.
[23] Там же. С. 373.
[24] Там же. С. 439.
[25] Там же. С. 397.
[26] См.: Там же. С. 624 (примеч. к с. 265).
[27] В нашем распоряжении нет голландского издания «Основ философии Декарта», поэтому данное пояснение переводим с английского языка.
[28] См.: *Спиноза Б.* Избр. произв. Т. 1. С. 619.
[29] Там же. С. 267.
[30] Там же. С. 268.
[31] Там же.
[32] Там же. С. 269.
[33] Там же.
[34] Там же. С. 270.
[35] Имеется в виду объективация, которая производится в идеологии как теории происхождения идей. Именно в этом смысле термин «идеология» впервые был употреблен в 1801 г. французским мыслителем Дестютом де Траси и вслед за ним итальянским философом А. Розмини-Сербати.
[36] *Спиноза Б.* Избр. произв. Т. 1. С. 276.
[37] Там же.
[38] Там же. С. 277.
[39] Там же. М., 1958. Т. 2. С. 529.
[40] Там же.
[41] Там же.

[42] Там же. С. 530.
[43] Там же. Т. 1. С. 333.
[44] См.: *Ибн Туфейль.* Повесть о Хайе ибн Якзане. М., 1978.
[45] Переведено с английского языка, так как в русских изданиях данного текста нет.
[46] *Спиноза Б.* Избр. произв. Т. 1. С. 402.
[47] Там же.
[48] Там же. С. 403.
[49] Там же. С. 435.
[50] Там же. С. 526.

ПЕРСПЕКТИВЫ СОЦИАЛЬНОЙ ТЕОРИИ ПОЗНАНИЯ: РАЗМЫШЛЕНИЯ О РАБОТАХ ШОТЛАНДСКОГО ФИЛОСОФА ДЭВИДА БЛУРА

И. Т Касавин

Положение о том, что познание есть процесс деятельности социального субъекта, форма духовного производства, осуществляемого в контексте общественных отношений, является азбучной истиной марксизма. Из этого, впрочем, не следует, что в марксистской философии проблема социальной природы познания достаточно разработана и тем более что подобные разработки широко использованы для интерпретации конкретного исторического материала. Напротив, исследования в этой области марксистской гносеологии еще только начинаются, их сфера еще далека до определенности, а новые концептуальные средства изыскиваются с большим трудом. И здесь сказывается неразработанность марксистской теории социального познания, слабость конкретно-социологических исследований, а также невнимание наших гносеологов и методологов науки к истории западной социологии знания, долгое время пребывавшей в тени нео- и постпозитивистских концепций.

Причины такого положения дел коренятся в том, что западные когнитивные социологи, почти единодушно ссылавшиеся на К. Маркса как на своего предшественника, скопом зачислялись в «буржуазные интерпретаторы марксизма», от которых заведомо ничего хорошего ожидать нельзя. Также забывали, что экстерналистская история науки берет свое начало в марксистских концепциях 20-х годов, с которыми Б. Гессен познакомил западных историков. Обвинения в вульгарном социологизме, в непонимании отношений между наукой и идеологией, забвении теории отражения образовали преграду не только на пути адекватного понимания зарубежных исследований социальной природы познания, но и в деле марксистской разработки соответствующей проблематики. Только в конце 70-х годов наметились некоторые положительные сдвиги в этой области, которые, впрочем, не надо переоценивать.